

Для всех русских, работающих на местах рядом с чукчами, характерно дружественное, доброжелательное отношение к чукчам, искренняя товарищеская поддержка. Автор показывает это на ряде примеров. В рассказе «Товарищи» механик с маяка целую ночь помогает мотористу-чукче исправить мотор; в рассказе «Люди с того берега» говорится о младшем сержанте Сергееве, который с большим уважением относится к старикам-чукчам, дружит с молодыми, ходит с ними на охоту. В рассказе «Тэгры-нэ летит в Хабаровск» говорится об ученом — собирателе фольклора, который останавливается в яранге чукчи Мэмыля, дарит ему бинокль и книгу. Русская девушка Раиса с полярной станции дружит с чукчанкой (рассказ «Окошко»), русская учительница, выпускница Московского университета, выходит замуж за директора школы Эйнеса («Пять писем Вали Крамаренковой»). На поиски охотника-чукчи, унесенного на оторвавшейся от берега льдине, вылетает самолет; пароход отклоняется от курса, и организуются поиски («Судьба человека»).

Как далеко все это от иной картины, картины прошлого, занимающей в «Чукотской саге» сравнительно небольшое место (рассказы «На шхуне», «Мэри Сайм», «Новогодняя ночь», «Люди с того берега»). Американские торговцы приезжали на Чукотские побережья, чтобы грабить охотников; они не считали их за людей, спаивали, обирали, в чем им помогали местные богачи и шаманы. Голод и болезни часто выкашивали целые чукотские селения. Чукчи были бесправны, беззащитны, забыты и темны. Все это безвозвратно ушло в прошлое. Советская власть, ленинская национальная политика, простые русские люди сделали очень многое, чтобы поднять экономику, культуру, изменить быт чукчей. О неизмеримом росте культуры свидетельствует очень многое и, в первую очередь, сам факт появления чукотских писателей — Ю. С. Рыхтэу, В. Кеулькут.

Громадная работа, проведенная по социалистической перестройке жизни чукотского народа, еще далеко не завершена. Это очень трудная работа, в ней еще встречается много недостатков, так как по существу все делается заново, и в каждом отдельном случае приходится искать новые пути. Но, несмотря на трудности и недостатки, имеются очень большие достижения; о них и рассказывает книга первого чукотского писателя Ю. С. Рыхтэу.

А. В. Смоляк

«Африканский этнографический сборник», I. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. XXXIV, М., 1956, 285 стр.

На протяжении длительного времени изучение Африки было одним из наиболее отстающих разделов наших общественных наук, в частности истории и этнографии. Это положение стало особенно нетерпимым в послевоенный период, когда вслед за Азией началось пробуждение «черного материка» и когда в связи с этим необычайно возрос интерес советских людей к историческому прошлому и современной жизни народов Африки.

Было бы преувеличением сказать, что уже наступил коренной перелом в развитии советской африканистики. Однако за последние годы число научных исследований в этой области значительно возросло. Можно назвать коллективные труды «Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов», «Народы Африки», работы Л. Н. Ватוליной, Х. И. Кильберг, Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехина, Г. Е. Скорова, С. Р. Смирнова, И. П. Ястребовой и др. Недавно библиотека трудов советских африканистов пополнилась еще одной книгой: 1-м выпуском «Африканского этнографического сборника», в котором опубликована новая работа С. Р. Смирнова «Образование и пути развития северосуданской народности» и три работы молодых ученых: В. Н. Вологдиной («Народ эве»), Р. Н. Исмагиловой («Народы Кении в условиях колониального режима»), М. В. Райт («Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX — начале XX в. и их этнографические материалы»).

Но дело не только в том, что пополнился перечень исследований советских африканистов. Гораздо важнее, что новый их труд по-настоящему злободневен, что он откликается на важные события в жизни народов Африки, волнующие не только самих африканцев, но и прогрессивную общественность всего мира.

Это прежде всего относится к работе Р. Н. Исмагиловой. У всех в памяти недавние события в Кении: мужественная борьба ее народов против британских колонизаторов, борьба отнюдь не закончившаяся, ибо не сокрушено еще тяжелое ярмо империалистов в этой стране. Нынешнее положение в Кении — один из наиболее ярких примеров того, как невыносима жизнь народа в условиях колониального рабства. И права Р. Н. Исмагилова, закончив свою работу исполненными ненависти к колониализму и уверенности в его неизбежной гибели словами видного деятеля национально-освободительного движения в Кении М. Коинанге: «...Африканцы Кении никогда, никогда не возвратятся к прошлой жизни. Они связали свою судьбу со всем современным миром... Их свобода — это свобода всего мира».

Работа Р. Н. Исмагиловой отличается тщательностью научной аргументации и политической заостренностью. Автор разоблачает измышления колониалистов и обслуживающих их реакционных буржуазных ученых и публицистов, имеющие целью обосновать необходимость сохранения империалистического господства в Кении. Интересно в этом плане опровержение тезиса, будто нынешняя Кения является «страной белого человека», а ее народы — морем разнородных племен, не способных к самостоятельно-

му государственному существованию. Автор убедительно показывает, что Кения была и остается страной африканцев и что несмотря на сложность этнического состава ее населения здесь все более четко выкристаллизовываются основные народности, из которых самыми крупными и сплоченными являются гикуйю (свыше 1,5 млн. человек) и камба (свыше 600 тыс. человек). Эти народы близки друг к другу: они принадлежат к одной и той же группе языковой семьи банту и имеют много общих черт в быту и культуре.

В работе последовательно разбиваются и утверждения британских властей о том, что нынешний режим в Кении призван постепенно подготовить ее народы к самоуправлению и что этот режим не только не препятствует, но будто бы даже способствует развитию хозяйства и культуры коренного населения страны. Приведенные Р. Н. Исмагиловой факты и тщательно обработанный статистический материал убеждают в лживости этих домыслов. Политическая и экономическая дискриминация африканцев, экспроприация их лучших земель, принудительный труд, зверские расправы с малейшими проявлениями недовольства — такова правда жизни народов Кении под «опекой» британского империализма.

Неудивительно, что в Кении, как и в других колониях Африки, растет и ширится волна народного гнева, выливающегося порой в вооруженные схватки с порабощателями. Национально-освободительному движению в Кении Р. Н. Исмагилова посвящает заключительную главу своего исследования. Она стремится показать это движение в развитии, начиная с первых форм сопротивления империалистической колонизации (конец XIX — начало XX в.), но особое внимание уделяет его нынешнему этапу — борьбе против империалистического закабаления в условиях все углубляющегося распада колониальной системы империализма. Особенно удалась автору характеристика внутренних причин того подъема национально-освободительного движения в Кении, который явственно обозначился после второй мировой войны; это — усилившееся в годы войны и после ее окончания развитие капиталистических отношений, рост национальной буржуазии и интеллигенции, выход на политическую арену молодого рабочего класса Кении, резкое повышение политической сознательности и активности крестьянства.

Автор подробно рассказывает о том, как британские империалисты, стремясь подавить растущие силы национально-освободительного движения народов Кении, слабоварили миф о «заговоре мау-мау» и под предлогом искоренения этого «заговора» подвергли народ Кении кровавой расправе. В течение трех с половиной лет (с конца 1952 до середины 1956 г.) в Кении шла борьба против вооруженных до зубов колониальных войск. И хотя колонизаторам удалось одержать победу, они не смогли сломить волю угнетенного народа к свободе и независимости. Последние сообщения из Кении говорят о том, что силы национально-освободительного движения в стране, несмотря на жесточайший террор британских властей, вновь поднимаются на борьбу. В Кении развертывается движение против превращения страны в военную базу британского империализма в Восточной Африке. Представители африканского населения в Законодательном совете Кении выдвинули недавно требование о предоставлении стране независимости по образцу государства Гана.

Состоявшееся недавно в Отделе Африки Института востоковедения АН СССР заседание, посвященное обсуждению «Африканского этнографического сборника»¹, приняло решение рекомендовать работу Р. Н. Исмагиловой к изданию отдельной книгой. Целиком поддерживая это предложение, мы считаем именно поэтому особенно важным указать на недостатки работы, которые могут быть устранены при ее переиздании.

Пожалуй, наиболее слабое место работы Р. Н. Исмагиловой — это анализ событий 1952—1956 гг., именно анализ, а не описание, которое сделано достаточно подробно и четко. Автор отмечает, что активное участие в вооруженной борьбе против колонизаторов приняли только гикуйю и что английским империалистам удалось изолировать их от остальных народов Кении и более того — использовать некоторые из этих народов (масаяв, самбуру) для подавления движения гикуйю. В работе отмечается также преимущественно крестьянский характер движения, слабое участие в нем рабочих, отсутствие единства среди самих гикуйю (большинство наиболее влиятельных вождей поддержало карательные мероприятия британских властей и увлекло за собой часть рядовых гикуйю). Но, к сожалению, все эти тезисы излагаются декларативно. Автор вспоминает о них как бы «под занавес», когда говорит о причинах поражения повстанцев. Р. Н. Исмагилова правильно определяет эти причины, но плохо то, что все предшествующее изложение событий не подводит читателя к их пониманию.

Чем это объясняется? В значительной мере недостаточностью источников, имевшихся в распоряжении автора. Как известно, до последнего времени в библиотеки Москвы не поступало ни одной кенийской газеты. Автор мог черпать материал только из английских газет и колониального журнала «East Africa and Rhodesia». Но дело не только в источниках. В распоряжении Р. Н. Исмагиловой все же был кое-какой материал о характере освободительного движения, об отношении к нему различных социальных и этнических групп населения Кении и т. д. Но этот материал не использован должным образом. При изложении фактической стороны событий 1952—1956 гг. автор пошел по самому легкому, но не самому лучшему пути, подменяя анализ социального

¹ Некоторые замечания, высказанные во время этого обсуждения, учтены в настоящей рецензии.

характера освободительного движения 1950-х годов в Кении и этнического состава участников этого движения общим понятием «движение африканцев».

Вообще автор чрезмерно злоупотребляет терминами «африканцы», «африканское население», лишенными социального и этнического содержания. Так, например, Восточно-Африканскую ассоциацию Кении (стр. 177—178) автор характеризует как организацию «африканцев», тогда как она объединяла почти исключительно гикуйю. Не случайно именно на ее базе была создана Центральная ассоциация гикуйю.

Бросается в глаза и другой недостаток раздела о национально-освободительном движении народов Кении в послевоенные годы: автор рассматривает его изолированно, вне связи с развитием антиимпериалистической борьбы в других странах Африки. Этот пробел тем более существен, что сплочение народов различных стран Азии и Африки в едином фронте борьбы против колониализма является одной из характерных черт нашей эпохи.

Отдельные недочеты имеются и в предшествующих разделах работы Р. Н. Исмагиловой.

В главе I автор не дает четкого представления о земельных отношениях у гикуйю в середине XIX в., хотя уделяет этому вопросу довольно много места. Точка зрения автора сводится к тому, что у гикуйю уже складывалась частная собственность на землю, но она не получила еще значительного развития (см., например, стр. 127, 128). В то же время автор приводит без каких-либо комментариев слова Джомо Кеньяты, который пишет: «Чувство частной собственности было сильно развито среди гикуйю... Каждый дюйм земли в стране гикуйю имел своего владельца» (стр. 126; разрядка моя.—Г. Н.).

В главе II, отмечая увеличение экспорта товаров из Кении в ценностном выражении, автор пишет: «В известной степени этот колоссальный рост экспорта вызван снижением валютного курса и повышением цен, но, как это будет показано ниже, имеет место и увеличение физического объема экспорта» (стр. 145). К сожалению, Р. Н. Исмагилова вскоре забыла об этом своем обязательстве: за исключением сведений о росте экспорта сизала (прим. 6 на стр. 149), никаких других данных по затронутому вопросу в работе дальше нет.

В главе III сообщается, что право высылки граждан Кении из страны местные власти получили согласно дополнениям к антирабочему закону 1950 г. А двумя абзацами ниже выясняется, что такое право было получено после принятия нового антирабочего закона 1952 г. (стр. 191). На следующей странице говорится, что колониальные власти не публикуют статистику забастовочного движения, и здесь же автор ссылается на официальные данные² о количестве забастовок в Кении в 1948 г., числе участников забастовок, их требованиях и тому подобное.

Несомненное достоинство работы Р. Н. Исмагиловой в ее наглядности. Автор подкрепляет свои основные положения диаграммами, таблицами, схемами, картами. Все карты составлены автором³ и публикуются впервые. Но, к сожалению, и сюда попали «капля дегтя». Вот, например, лингвистическая и этническая карты Кении (вклейки между стр. 122 и 123, 124 и 125). На них имеются белые пятна, хотя в легендах не сказано, что они обозначают. Можно предположить, что это незаселенные районы. Но почему же тогда район побережья к югу от Кипини на лингвистической карте оказывается вовсе лишенным населения, а на этнической карте эта территория закрашена цветом группы банту (правда, плотность населения здесь самая низкая — менее одного или от одного до десяти человек на 1 кв. км). Другой пример: на этнической карте белым пятном дан кусок территории Кении на крайнем юге вдоль границы с Танзанией, а на лингвистической карте в этом районе такого пятна нет — здесь показаны народы языковой группы банту.

Не всегда удачны и диаграммы. Например, при сравнении диаграммы и таблицы структуры экспорта Кении в 1952 г. выясняется, что в диаграмме по непонятным причинам не выделены такие статьи экспорта, как масло (1,5% к общей сумме экспорта) и кианит (0,8%). Они включены в рубрику «прочие». В то же время в особую рубрику выделено золото (0,7%). В результате на диаграмме «прочих» оказалось 14,6%, а в таблице — только 12,3%.

Хочется надеяться, что в новом издании рассматриваемой работы отдельной книжкой, которая очень нужна массовому читателю, этих недочетов уже не будет.

К работе Р. Н. Исмагиловой примыкает статья В. Н. Вологдиной. Это первое в советской литературе описание народа эве, составляющего значительную часть населения в ряде районов самого молодого государства Африки — Ганы. До образования Ганы эве, насчитывающие более 1 млн. человек, были разделены колониальными границами на три части. Проблема воссоединения эве не снята и сейчас, так как значительная их часть (свыше 400 тыс. человек) осталась за пределами Ганы, на территории Французского Того.

При тематическом сходстве с предшествующей работой, статья В. Н. Вологдиной значительно отличается от нее по своему характеру. Если первая — работа по преимуществу историческая (с упором на экономическую и политическую историю), то во второй доминирует этнографический материал. Автор рассматривает отдельные стороны

² Colonial Office. Report on the Colony and Protectorate of Kenya for the year 1949, London, 1950.

³ В составлении этнической карты принимал участие Б. В. Андрианов.

материальной и духовной культуры эве, дополняя свое описание хорошо подобранными иллюстрациями. Наибольшей полнотой отличаются разделы, посвященные хозяйству и быту. Хуже обстоит дело с духовной культурой, особенно с литературой. И почти совсем ничего не сообщает автор о семейных отношениях и религии эве.

Было бы, однако, неправильно сосредоточивать внимание на проблемах этнографического описания, выполненного автором, не имевшим возможности непосредственно наблюдать изучаемый народ и не располагавшим исчерпывающими литературными и вещественными источниками. При всех своих недостатках работа В. Н. Володиной ценна тем, что она дает, пусть неполную, но все же достаточно яркую картину современного быта эве, и, что самое главное, — картину, написанную с глубоким уважением к культуре угнетенного народа. Основная цель работы — показать, какого развития достигла самобытная культура маленького, но талантливого народа эве, какие богатейшие возможности таятся в его недрах, — в той мере, в какой это было в силах автора, успешно осуществлена. К работе Володиной неизбежно будет обращаться и найдет в ней немало ценных сведений всякий, кто интересуется народом эве, да и соседними народами стран Западной Африки.

Работа С. Р. Смирнова, в отличие от двух предыдущих, в своей основной части обращена в прошлое. Но и она отвечает на важные вопросы современности. Вряд ли нужно доказывать, какое значение имеет труд исследователя-марксиста, посвященный большому этапу истории молодого африканского государства — Республики Судан, периоду формирования и развития северосуданской народности. Статья С. Р. Смирнова интересна и в теоретическом отношении. Разработка проблемы формирования народностей и наций в странах Востока, длительное время находившихся или еще находящихся под гнетом империализма, становится сейчас одной из первоочередных задач советского востоковедения. Как справедливо указывается в предисловии к сборнику, эту проблему только начинают разрабатывать, и исследователям ее во многом приходится пролагать новые пути.

История Судана, отраженная в письменных памятниках, восходит к глубокой древности. И автор в главе «Древний и средневековый Судан» рассматривает начальные ступени исторического прошлого народов этой страны. Но в центре его внимания находится период возникновения и расцвета знаменитых суданских султанатов: Сеннара и Дарфура (XVI—XVIII вв.). С. Р. Смирнов показывает, что в этот период в Судане существовали три отдельные народности — сеннарская (ядром ее были фунги), нубийская и форская, — которые позднее (в XIX в.) наряду с арабами явились этническими компонентами единой северосуданской народности. Бесспорно правильно представляется и вывод автора о том, что уже в XVI—XVIII вв. имелись некоторые черты, сближавшие эти три народности, особенно сеннарскую и нубийскую, и что уже тогда обозначился район начавшегося формирования единой народности.

Иначе обстоит дело с определением общественного строя суданских султанатов. Как известно, и в Сеннаре, и в Дарфуре существовал развитый рабовладельческий уклад. Рабов держали не только крупные землевладельцы, но и крестьяне, ремесленники, купцы. По данным европейских путешественников, побывавших в Сеннаре в начале XIX в. (Бурхарда, Кайо и др.), в районах, которые они посетили, большая часть полевых и домашних работ выполнялась рабами. Трудно было найти хотя бы одно домохозяйство, которое не владело бы одним или двумя рабами. С. Р. Смирнов приводит эти и многие другие данные, свидетельствующие о высоком уровне развития рабовладения в Сеннаре и Дарфуре (см. стр. 26—28 и др.), но он решительно отрицает возможность господства в суданских султанатах рабовладельческого способа производства. Ведущей формой общественных отношений, по его мнению, были отношения феодальные, правда, находившиеся еще в процессе становления (стр. 38 и др.). Это утверждение не кажется убедительным, так как для обоснования его в работе нет достаточных аргументов. Автор не доказал главного — что господствовала феодальная собственность на землю, что основным производителем материальных благ был феодально зависимый крестьянин, а не раб, и что основным источником обогащения господствующего класса была феодальная рента. Не случайно автор называет суданскую знать то феодальной, то феодально-рабовладельческой (см., например, стр. 25). И еще более выразительны те места работы, где факты, приводимые автором в качестве доказательства существования и роста феодальных отношений, свидетельствуют не за, а против его точки зрения. Вот несколько таких фактов.

На стр. 23 С. Р. Смирнов пишет: «Вместе с развитием феодализма в султанате (Сеннаре.— Г. Н.) развивалась и крепла мусульманская религия. В XVII и XVIII вв. происходило интенсивное строительство мечетей, которые также становились крупными феодальными собственниками». Чем же обосновывается это положение? Ссылкой на суданские хроники, согласно которым в XVII в. один из сеннарских «феодалов» (термин автора) «основал в Гезире значительное число мечетей и наделил их землей и рабами» (разрядка моя.— Г. Н.). Может ли этот факт служить доказательством того, что мечети стали феодальными собственниками? Конечно, нет.

На стр. 24 читаем: «Города сеннарского султаната были типично феодальными. В них жили торговцы, ремесленники, феодальная знать, мусульманское духовенство, зарождающееся чиновничество. Кроме того, в городах было сосредоточено много рабов, которых держали состоятельные слои населения». Что же в этой картине типично феодального? Пожалуй, только присутствие в городе «феодальной знати», которую уже на следующей странице сам автор называет «феодально-рабовладельческой».

И еще один пример. С. Р. Смирнов стремится доказать, что рабовладение изживало себя, и в этой связи указывает на наличие в сеннарском султанате форм рабовладения, напоминающих колонат. «Эксплуатация рабов приобретает феодальный характер», — подчеркивает автор. Чем же мотивируется этот тезис? Оказывается, что в середине XVIII в. шейх племени мессалия Хасан ибн-Хасуна трудом рабов вырыл на своих землях множество колодезь, развел большие стада крупного рогатого скота и развернул широкую торговлю. В хрониках указывается, что «все рабы его стали деревенскими жителями». И другой факт: «сеннарский султан в начале XIX в. имел около 8 тыс. рабов, которые обрабатывали его землю в районе Гезиры, а также пасли скот» (стр. 26—27). Факты эти, бесспорно, интересны. Но они говорят только об использовании труда рабов в сельском хозяйстве, а отнюдь не о колонате и тем более не о том, что эксплуатация рабов стала приобретать феодальный характер. Сельскохозяйственные рабы — явление, свойственное развитому рабовладельческому обществу. В эпоху его упадка наблюдаются факты дробления рабовладельцами своих земель на мелкие участки и передачи их в обработку рабам, которые платили владельцам земли оброк. Положение таких рабов с наделом действительно приближается к положению колонов. Следовательно, чтобы доказать наличие в Судане форм, сходных с колонатом, надо было привести примеры наделения рабов землей. Видимо, такого рода данными автор не располагал.

Собственно процессу образования северосуданской народности С. Р. Смирнов посвящает вторую главу своего исследования. Он показывает, что этот процесс, начавшийся еще со времени египетского завоевания (20-е годы XIX в.), вступил в решающую фазу в период махдистского движения. В рамках махдистского государства в основном завершилось сложение единой северосуданской народности, общим языком которой стал арабский.

С. Р. Смирнов не только констатирует факт образования северосуданской народности, но и прослеживает дальнейшие пути ее развития в условиях колониального режима, т. е. в первой половине XX в. (глава III). Основная идея автора состоит в том, чтобы показать, как развитие капиталистических отношений, хотя и в уродливой, крайне осложненной гнетом британских империалистов форме, создавало базу для дальнейшей консолидации северосуданской народности и постепенного развития ее в нацию. Автор показывает, что процесс становления нации в Северном Судане далеко еще не закончился, но теперь он будет развиваться неизмеримо более быстрыми темпами.

Взгляды автора на проблему образования и дальнейшего развития северосуданской народности представляются убедительными. Однако это не значит, что все задачи исследования разрешены одинаково удачно. Рассматривая процесс национального развития в колониальном Судане, автор основное внимание уделяет явлениям экономической и общественно-политической жизни и в гораздо меньшей степени касается вопросов этнографических (этническая консолидация, культурная общность) и лингвистических. Эти вопросы, без решения которых исследование на подобную тему не может быть полным, требуют дальнейшей разработки.

Сборник завершается работой М. В. Райт, явившейся плодом длительных изысканий автора в различных архивах страны и обстоятельного изучения опубликованных материалов о русских экспедициях в Эфиопию в XIX и начале XX в. Автор сообщает много нового об этих экспедициях. Так, М. В. Райт удалось доказать, что Н. И. Ашинов побывал в Эфиопии уже в 1886 г. (ранее эта дата подвергалась сомнению). Впервые установлен маршрут поездки поручика В. Ф. Машкова по Эфиопии в 1889 г. Также впервые установлена дата пребывания в этой стране капитана А. Гудзенко (осень 1896 г.). Важные сведения о целях поездки А. К. Булатовича в юго-западные области Эфиопии в 1896—1897 гг. обнаружены автором в Ленинградском военно-историческом архиве. Исключительно по архивным материалам описаны путешествия полковника Л. К. Артамонова в 1898 г. и А. К. Булатовича в 1899 году.

Очень интересен раздел о деятельности отряда Российского общества Красного креста в Эфиопии в 1896—1897 гг., также написанный преимущественно по архивным данным. В статье М. В. Райт впервые опубликованы переводы на русский язык грамот негуса Менелика, которые были выданы членам русского отряда в связи с награждением их эфиопскими орденами за самоотверженную работу по оказанию помощи больным и раненым. В статье имеется сводная карта русских экспедиций в Эфиопию, на которую нанесены маршруты 15 экспедиций и поездок. К сожалению, карта плохо читается. Видимо, автору следовало дать несколько таких карт (по 3—4 маршрута на каждой).

Излагая историю русских экспедиций, М. В. Райт приводит и высказывания русских путешественников о народах Эфиопии, проникнутые искренним уважением к их культуре и сочувствием их борьбе против колониальной агрессии капиталистических держав. Много места уделено в работе этнографическим материалам русских экспедиций: описаниям орудий труда и оружия, поселений, жилищ, одежды, общественных и семейных отношений, быта, религии и т. п. Но все же в своей этнографической части статья М. В. Райт значительно слабее, чем в исторической. Автор знакомит читателя с этнографическими материалами экспедиций, но почти не показывает их научного значения. Да этого и нельзя было сделать, так как в статье не учитываются результаты иностранных экспедиций в Эфиопию, что лишило автора возможности определить вклад, внесенный в изучение Эфиопии именно русскими экспедициями.

Подчас автор делает далеко идущие выводы о характере общественных отношений и культуре Эфиопии, основываясь на одном отдельно взятом источнике. Так, например, нельзя только на основе материалов Булатовича утверждать, что «в конце XIX в. в Эфиопии господствующим типом производственных отношений являлись феодальные отношения, развитые более всего у амхара» (стр. 255). Точно так же нельзя только по материалам Бровцына, без их критической проверки и сопоставления с другими группами источников, рисовать картину семейно-брачных отношений у амхара (см. стр. 276—278).

Хочется выразить надежду, что автор не прекратит работы по истории русских экспедиций в Эфиопию и в своих новых исследованиях уделит больше внимания анализу их научного значения, выявлению того большого вклада, который они внесли в этнографическое изучение Эфиопии.

Возвращаясь к оценке «Африканского этнографического сборника» в целом, следует подчеркнуть, что этот труд свидетельствует о росте нашей африканистики, причем далеко не только в области этнографии.

Г. А. Нерсесов

Народы Австралии и Океании. Под редакцией С. А. Токарева, С. П. Толстова (Серия «Народы мира. Этнографические очерки». под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова). Изд-во АН СССР, М., 1956, 852 стр.

Народы Австрало-Океанский области в течение многих веков развивались в условиях почти полной изоляции от внешнего мира. В материальном производстве, общественных отношениях и духовной культуре австралийцев до последнего времени сохранялось много глубоко архаических черт, знакомству с которыми современные ученые обязаны большей частью своих выводов о древнейшей стадии развития человечества. На островах Океании европейские путешественники и исследователи обнаружили замечательное многообразие путей и форм разложения первобытно-общинного строя и постепенного перехода от доклассового общества к классовому, любопытные сочетания элементов материальной культуры, предостерегающие от упрощенно-схематического понимания исторического процесса в целом.

В XVII—XIX вв. коренное население Австралии и Океании было поработено европейскими и американскими колонизаторами. Изучая жизнь местных народов под гнетом чужеземных пришельцев, можно проследить различные формы колониализма, известные в истории. В самое последнее время в некоторых районах этого казалось бы спокойного колониального «тыла» империализма усилилось национально-освободительное движение, сливающееся с борьбой всех угнетенных народов за свободу и независимость, за демократию и социализм.

Уже сказанного достаточно, чтобы понять, какой большой научный и общественный интерес представляет изучение истории и современного положения народов Австралии и Океании, сколь важно и актуально подробное исследование их быта и культуры в прошлом и в настоящем. Вот почему выход в свет в серии «Народы мира» тома, посвященного населению этой части света, — весьма значительное событие в советской этнографической науке.

Рецензируемая книга по существу является первым в мировой научной литературе опытом создания всестороннего обобщающего труда о народах Австрало-Океанской области¹. Книга написана с позиций марксистско-ленинского учения об обществе — исторического материализма, что позволило авторскому коллективу в целом правильно использовать огромный фактический материал, собранный русскими и зарубежными исследователями, и внести существенно новый вклад в разработку многих проблем австраловедения и океанистики.

Этнографическое изучение народов Австралии и Океании имеет в нашей стране давние и богатые традиции. Общеизвестен крупнейший вклад в эту отрасль науки, внесенный Ю. Ф. Лисянским, О. Е. Коцебу, В. М. Головинным и другими русскими мореплавателями первой половины XIX в., а также таким выдающимся путешественником и исследователем, как Н. Н. Миклухо-Маклай, чье имя, по справедливому замечанию авторов рецензируемой работы, способно уравновесить десятки имен зарубежных ученых, потрудившихся на поприще океанистики. Для русских исследователей Австралии и Океании характерно дружественное и гуманное отношение к изучаемым народам, уважение к их самобытной культуре, вера в неограниченные возможности челове-

¹ Зарубежными учеными создан ряд сводных работ по этнографии Австралии и Океании; соответствующие разделы имеются и в изданиях, претендующих на рассказ о всех народах мира. Но ни по целям, ни по структуре, ни по глубине охвата материала, не говоря уже о методологии, эти работы не могут идти в сравнение с томом «Народы Австралии и Океании», дающим всестороннее описание населения Австрало-Океанской области как единого целого. См. А. Элькин, Коренное население Австралии. Перевод с английского, М., 1952; F. Keessing, Native peoples of the Pacific world, N. Y., 1945; «Illustrierte Völkerkunde». Hrsg. von G. Buschan, Bd. II, Australien und Ozeanien, Asien, Stuttgart, 1923; «Die Neue Große Völkerkunde. Völker und Kulturen der Erde in Wort und Bild», Hrsg. von H. A. Bernatzik, Bd. II, Asien, Südsee, Australien, Frankfurt/Main, 1954.